

Бегиев Ибрагим Абдулахович, магистрант,
ФГБОУ ВО «РАНХиГС» институт
Государственной службы и управления
Begiev Ibrahim Abdulakhovich, Master's student,
Institute of Public Administration and Management
at the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

**СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ
УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ
В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ СКФО)
SOCIAL ARCHITECTURE AS A TOOL FOR STRENGTHENING
INTERETHNIC HARMONY IN MULTI-ETHNIC REGIONS
(THE CASE OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT)**

Аннотация. Межнациональное согласие в полиэтничных регионах не возникает спонтанно и требует целенаправленного проектирования. В статье рассматривается концепция социальной архитектуры как проактивного подхода к управлению межэтническими отношениями, альтернативного реактивной модели реагирования на конфликты. На материале Северо-Кавказского федерального округа проведён анализ корневых причин, механизмов воспроизводства и наблюдаемых симптомов превалирования этнической идентификации над общегражданской. Представлены результаты первой в России региональной стратегической сессии по социальной архитектуре (Нальчик, 13 февраля 2026 г.), проведённой при поддержке Управления Президента РФ по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов и аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО. Предложена трёхуровневая диагностическая модель и комплекс проектных механизмов, реализуемых в проблемно-ориентированной и ценностно-ориентированной логике социальной архитектуры.

Abstract. Interethnic harmony in multi-ethnic regions does not arise spontaneously and requires intentional design. The article examines social architecture as a proactive approach to managing interethnic relations, offering an alternative to reactive conflict management. Drawing on data from the North Caucasus Federal District (NCFD), the study analyzes root causes, reproduction mechanisms, and observable symptoms of ethnic identification prevailing over civic identity. The paper presents findings from Russia's first regional strategic session on social architecture (Nalchik, February 13, 2026), held under the auspices of the Presidential Directorate for Monitoring and Analysis of Social Processes and the Office of the Presidential Plenipotentiary Envoy to the NCFD. A three-level diagnostic model and a set of project-based mechanisms implemented through problem-oriented and value-oriented logics of social architecture are proposed.

Ключевые слова: Социальная архитектура, межнациональное согласие, гражданская идентичность, образ будущего, Северо-Кавказский федеральный округ, стратегическое проектирование.

Keywords: Social architecture, interethnic harmony, civic identity, image of the future, North Caucasus Federal District, strategic design.

Введение

Для многонациональной России гармонизация межнациональных отношений является одним из ключевых направлений государственной политики. 25 ноября 2025 года Президент

Российской Федерации утвердил Стратегию государственной национальной политики на период до 2036 года (Указ № 858) [1], которая вступила в силу с 1 января 2026 года. Документ определил в качестве приоритетов кардинальное снижение конфликтов на национальной почве, достижение уровня общероссийской идентичности не менее 95% и обеспечение положительной оценки межнациональных отношений не менее чем 85% граждан. 2026 год объявлен Годом единства народов России, что дополнительно актуализирует задачу поиска инструментов, способных перевести стратегические цели в управленческую практику.

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) с его сложной этнокультурной структурой и высокой демографической нагрузкой представляет собой регион, где результативность национальной политики проверяется наиболее жёстко. Значимость этой проблематики подчёркивается на высшем уровне государственного управления: председатель президиума Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям М. М. Магомедов характеризует единство народов России как ценность, требующую постоянной защиты, отмечая, что историческое формирование России как государства-цивилизации шло по модели сохранения идентичности народов внутри общего правового пространства, а 81% граждан считают многонациональность преимуществом страны [25]. Социально-экономические диспропорции создают дополнительное давление. В Республике Ингушетия уровень бедности достигает 25,6%, безработицы – 25,4% [2, с. 2, 5]. Доля СКФО в валовом внутреннем продукте России составляет 2,8% при доле Центрального федерального округа 34,9% [2, с. 3]. Среднемесячная заработная плата в СКФО – минимальная среди всех федеральных округов.

При этом регион демонстрирует самый высокий естественный прирост населения: суммарный коэффициент рождаемости в Чеченской Республике – 2,57, в Республике Дагестан – 1,87, в Республике Ингушетия – 1,85 [2, с. 7-8]. Инфраструктура развита недостаточно: охват дошкольным образованием в Республике Ингушетия составляет 14% (последнее место в Российской Федерации), в Республике Дагестан – 27,6%, в Чеченской Республике – 29,2% [2, с. 9]. Миграционное сальдо отрицательное: минус 10,4 тыс. человек [2, с. 8]. Высокая рождаемость создаёт давление на рынок труда, который не в состоянии абсорбировать растущее число соискателей, что ведёт к оттоку населения в другие регионы и формирует экономическую основу для восприятия этнических различий через призму конкуренции за ресурсы.

Государственная политика в сфере межнациональных отношений опирается на разветвлённую нормативно-правовую базу: Конституцию РФ [3], федеральные законы [4, 5, 6], региональные акты [7], государственные программы [8]. Однако наличие документов само по себе не гарантирует результата. Существующая модель управления носит преимущественно реактивный характер: меры принимаются в ответ на уже возникшие конфликты, а не в логике проектирования среды, в которой конфликты не возникают.

Альтернативой выступает социальная архитектура – совокупность институциональных, коммуникационных и символических практик, направленных на выстраивание устойчивых форм межгруппового взаимодействия [9, с. 126]. С. В. Володенков определяет социальную архитектуру не только как научную дисциплину, но и как управленческую оптику, предполагающую переход от анализа социальной среды к проектированию изменений, их сопровождению и воспроизводству [10]. В этом контексте межнациональное согласие рассматривается не как пассивное состояние отсутствия конфликтов, а как активно проектируемый результат – продукт целенаправленного конструирования правил, институтов и среды, в которых межнациональное согласие становится естественным. Ранее автором были проанализированы ограничения существующей системы оценки стратегии государственного управления в сфере

межнациональных отношений на примере СКФО [19], что позволяет рассматривать настоящее исследование как развитие предложенного аналитического подхода.

Значимость данного подхода на государственном уровне подтверждается тем, что 13 февраля 2026 года в Нальчике состоялась первая в России региональная стратегическая сессия по социальной архитектуре [11]. Мероприятие было проведено при поддержке Управления Президента Российской Федерации по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов, аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО и Центра знаний «Машук». Организаторами выступили Министерство по делам молодёжи Кабардино-Балкарской Республики и Корпоративный университет «Эльбрус». Глава КБР Казбек Коков выступил инициатором проведения сессии и обозначил республику как пилотный регион по интеграции социальной архитектуры в практику регионального управления. Начальник Управления Президента РФ по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов А. Харичев в приветственном обращении подчеркнул, что сессия фиксирует эволюционный переход социальной архитектуры от федеральной аналитической рамки к практике регионального стратегического мышления [11].

Цель настоящей статьи – на основе анализа теоретических подходов и эмпирических данных выявить механизмы социальной архитектуры, применимые для укрепления межнационального согласия в СКФО, и оценить их проектный потенциал с учётом результатов стратегической сессии.

Результаты исследования

1. Теоретические основания и концептуальная рамка

Анализ теоретических источников позволяет систематизировать подходы к управлению межнациональными отношениями. Ф. А. Милевская выделяет четыре основных подхода: системный, социокультурный, коммуникативный и риск-ориентированный [9]. Для СКФО наиболее значимы два последних. Коммуникативный подход важен потому, что управленческие решения, не учитывающие необходимость горизонтального диалога между этническими группами, оказываются недостаточно эффективны. Риск-ориентированный подход актуален в силу высокой конфликтогенности региона, требующей упреждающих мер.

Классическая теория межгруппового контакта, восходящая к работам Г. Олпорта [15], устанавливает условия, при которых взаимодействие между представителями различных групп снижает предубеждения: равный статус участников, наличие общих целей, институциональная поддержка и межгрупповое сотрудничество. Р. Патнэм, исследуя взаимосвязь этнического разнообразия и социального капитала [16], показал, что в краткосрочной перспективе высокое разнообразие может снижать уровень доверия, однако целенаправленные институциональные интервенции способны преодолеть этот эффект. А. Варшни на материале индийских городов продемонстрировал, что устойчивое межэтническое согласие обеспечивается не отсутствием противоречий, а наличием институциональных сетей повседневного взаимодействия – «рутинного вовлечения» представителей разных групп в совместную деятельность [17].

Концептуальная глубина подхода подтверждается и историко-эпистемологическим анализом: С. В. Володенков и С. Н. Федорченко показывают, что социальная архитектура наследует многовековой эволюции концепций социального проектирования будущего – от архаичных и утопических форм к научно обоснованным моделям, формирующимся в условиях «презентистского» режима историчности, когда будущее становится объектом перманентного управления [21]. В актуальном российском дискурсе границы понятия уточняются по нескольким линиям: семантический анализ экспертных комментариев определяет социального архитектора как специалиста, ориентированного на создание устойчивых решений и активное формирование будущего через стратегические проекты и

общественные инициативы [22]; в политологической интерпретации социальная архитектура рассматривается как новое направление обеспечения легитимности власти, принципиально отличное от краткосрочных политтехнологий ориентацией на долгосрочные органические изменения и построение доверия между обществом и государством [23].

Эти теоретические положения получают операционное развитие в современной концепции социальной архитектуры. В концептуальной рамке социальной архитектуры, представленной А. Д. Харичевым, выделяются два операционных режима: проблемно-ориентированный – решение конкретных социальных проблем и улучшение качества жизни людей, и ценностно-ориентированный – актуализация традиционных духовно-нравственных ценностей и укрепление общероссийской гражданской идентичности [12]. С. В. Володенков подчёркивает, что в условиях тектонических сдвигов образ будущего становится ключевым инструментом национального развития, а управление этим образом – вопросом национальной безопасности [10]. Непредсказуемое конструирование образов будущего, особенно в негативном ключе, может приводить к социально-политической дестабилизации и падению доверия к институтам. Разработка позитивного, консолидирующего и реалистичного образа будущего определяется как одна из центральных задач социальной архитектуры. Ключевым производным результатом социальной архитектуры выступает доверие: в концептуальной модели А. Д. Харичева оно описывается как конструируемая переменная, являющаяся функцией четырёх управляемых параметров – честности коммуникации, реальных возможностей власти, её мотивации и дистанции между властью и обществом [12; 24]. Для сферы межнационального согласия это положение имеет принципиальное значение: доверие между этническими общностями и к институтам власти переводится из разряда наблюдаемых феноменов в разряд целей целенаправленного проектирования.

Ключевым условием эффективной социальной архитектуры является межнациональное доверие. В. В. Кривоусков подробно рассматривает проблему межгруппового доверия в российском обществе [13, с. 184-185], отмечая, что формирование установок происходит преимущественно в молодёжной среде [13, с. 185]. Институциональные риски и угрозы консолидации российского общества также рассмотрены в контексте социальных трансформаций [14]. Практическая реализация социальной архитектуры предполагает включение социально-активной части населения [18], что применительно к СКФО означает необходимость учёта специфики местных сообществ.

2. Трёхуровневая диагностическая модель

На основе материалов стратегической сессии по социальной архитектуре [11] и анализа теоретических подходов предлагается трёхуровневая диагностическая модель проблемы превалирования этнической идентификации над общегражданской в полиэтничных регионах СКФО. Модель позволяет дифференцировать глубинные факторы, механизмы их трансляции и внешние проявления, что создаёт основу для адресных управленческих интервенций.

Первый уровень – корневые причины. К ним относятся историко-культурные травмы, формирующие устойчивые модели этнической мобилизации, передаваемые через поколения. В контексте КБР это прежде всего депортация балкарского народа 1944 года и последствия Кавказской войны XIX века. Непроработанность коллективных травм продолжает определять групповые нарративы и поддерживает режим «этнической бдительности», при котором любое управленческое решение оценивается через призму межэтнического баланса. Отсутствие единого символического пространства – общепризнанных героев, нарративов и образов, объединяющих кабардинцев, балкарцев и русских в единое «мы», – усиливает фрагментацию. Каждая этническая группа располагает собственным пантеоном героев, не интегрированным в общее символическое поле.

Второй уровень – механизмы воспроизводства. Патриотизм в регионе развит преимущественно как «державный» (лояльность государству), но слабо выражен как гражданственный – осознание общих ценностей, прав и активной роли каждого в обществе независимо от этнической принадлежности. Размытость понятия «патриотизм» в многонациональном контексте приводит к тому, что каждая этническая группа вкладывает в него своё содержание, что препятствует формированию общего понимания. Дефицит современного, популярного и доступного контента, формирующего общероссийскую идентичность с учётом региональной специфики, ограничивает возможности ценностно-ориентированного воздействия. Языковой барьер – часть населения (особенно старшее поколение в сельских районах) слабо вовлечена в русскоязычное информационное пространство – дополнительно ограничивает эффективность единого информационного поля. Действующие программы патриотического воспитания ориентированы на формальные мероприятия, а не на формирование органической гражданственности.

Третий уровень – наблюдаемые симптомы. Фрагментация общественного мнения по этническому признаку при обсуждении общественно значимых вопросов. Устойчивый отток русскоязычного населения из республики: по данным переписей, доля русских в КБР сократилась с 25,1% в 2002 году до 22,5% в 2010 году, а итоги Всероссийской переписи населения 2020 года зафиксировали продолжение этой тенденции, что обедняет кадровый потенциал и усиливает моноэтнизацию отдельных территорий. Преобладание этнической самоидентификации над гражданской в молодёжной среде, по данным региональных социологических исследований. Отсутствие высокотехнологичных проектов федерального масштаба, которые могли бы стать объединяющей «точкой сборки» для всех этнических групп.

Предложенная модель позволяет соотнести каждый уровень с соответствующим операционным режимом социальной архитектуры. Корневые причины и симптомы требуют проблемно-ориентированного подхода – точечной работы с конкретными дисбалансами и рисками. Механизмы воспроизводства, связанные с ценностями, нарративами и образами, требуют ценностно-ориентированного подхода – формирования объединяющих смыслов и конструирования общего образа будущего [10, 12].

3. Оценка существующих мер

В действующей системе управления межнациональными отношениями можно выделить ряд системных ограничений, снижающих её эффективность. Федеральные программы патриотического воспитания реализуются формально, ориентированы на отчётные мероприятия и слабо адаптированы к полиэтничной специфике конкретных регионов. Региональные мероприятия (Дни единства, фестивали народов) носят эпизодический, событийный характер без системного воздействия на корневые причины проблемы.

Деятельность молодёжных центров представляет собой локальные инициативы с ограниченным охватом. Работа советников директоров по воспитанию обладает значительным потенциалом, однако не обеспечена единой методологией работы с межэтнической проблематикой. Как было отмечено в ходе стратегической сессии, предпринимавшиеся действия фрагментарны, не связаны в единую систему, не имеют измеримых КРП и не воздействуют на корневые причины проблемы [11].

Существенным ограничением является отсутствие горизонтальных механизмов взаимодействия. А. Семёнов, заместитель начальника Управления Президента РФ по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов, отмечает: эффективные решения в ряде субъектов уже выработаны, однако остаются локальными и не становятся частью общей управленческой практики [20]. Социальная архитектура формирует механизм горизонтального взаимодействия между регионами, обеспечивая переход от разрозненных инициатив к системной кооперации в работе с социальными процессами. Что такой переход

реализуем, демонстрирует опыт других субъектов Федерации: в Хабаровском крае поддержка территориального общественного самоуправления и социально ориентированных некоммерческих организаций в социально-архитектурной логике (свыше двух тысяч проектов с 2016 года) обеспечила измеримую трансформацию гражданской субъектности жителей и рост доверия к органам власти, повлияв в том числе на миграционные настроения населения [24]. Для СКФО как пилотной площадки это подтверждает переносимость подхода при условии его адаптации к этнокультурной специфике макрорегиона.

Стратегия государственной национальной политики до 2036 года [1] задаёт амбициозные целевые ориентиры (95% уровень общероссийской идентичности, 85% положительная оценка межнациональных отношений), однако для их достижения требуется управленческий инструментарий, способный транслировать стратегические цели в конкретные региональные проекты. Социальная архитектура претендует на роль такого инструментария.

Заключение

Социальная архитектура представляет собой проактивный инструмент управления в полиэтничных регионах, ориентированный на проектирование правил и среды, способствующих устойчивому межнациональному согласию. Её отличие от существующих подходов – переход от реактивного реагирования на конфликты к стратегическому проектированию социальных процессов, от разовых мероприятий к системному воздействию на корневые причины межэтнической напряжённости. Отдельным направлением развития подхода является ресурсное обеспечение проектов: перспективным механизмом, повышающим устойчивость долгосрочных социально-архитектурных инициатив за счёт привлечения разноуровневых акторов, включая региональный бизнес, выступает государственно-частное партнёрство [26].

Проведённый анализ позволяет выделить два взаимодополняющих операционных режима социальной архитектуры, каждый из которых реализуется через конкретные проектные механизмы.

В проблемно-ориентированной логике приоритетными механизмами выступают: внедрение риск-ориентированного мониторинга – систематического выявления сигналов напряжённости на основе анализа региональных медиа и социальных сетей; стимулирование экономической интеграции через создание межатнических предпринимательских команд с грантовой поддержкой (социальное предпринимательство, туризм, креативные индустрии) и инвестиции в социальную инфраструктуру, прежде всего в дошкольное образование; организация совместных трудовых проектов (волонтёрские стройки, восстановление памятников, экологические акции), где совместный физический труд создаёт общность опыта, обеспечивая условия контактной гипотезы Олпорта [15].

В ценностно-ориентированной логике ключевыми механизмами являются: создание единого символического пространства через медиапроекты о выдающихся уроженцах региона всех национальностей, совместные символические действия, формирование интерактивных карт общей памяти; внедрение проектного обучения в смешанных этнических командах, решающих реальные задачи местного сообщества (благоустройство, экология, социальное предпринимательство); институционализация горизонтального диалога через создание межатнических молодёжных советов с ротационным принципом председательства и проведение ежегодных республиканских форумов гражданской идентичности; разработка мультязычного цифрового контента (на русском, кабардинском и балкарском языках), адаптированного для молодёжной аудитории и формирующего консолидирующий образ будущего [10].

Принципиально важно, что данные механизмы не являются теоретической конструкцией. Их апробация может быть осуществлена в рамках окружной экспертной

площадки по социальной архитектуре, создание которой на базе Центра знаний «Машук» было анонсировано в ходе стратегической сессии 13 февраля 2026 года [11]. Площадка предусматривает реализацию специализированного образовательного модуля по работе с проектами, обсуждавшимися на сессии, и станет пилотной моделью для последующего масштабирования в других регионах СКФО.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку интегративной системы оценки эффективности социально-архитектурных интервенций, сочетающей количественные (социологические замеры, индексы гражданской идентичности, данные мониторинга ФАДН) и качественные (фокус-группы, контент-анализ социальных сетей) методы. Представляется перспективным сравнительное исследование опыта формирования гражданской идентичности в полиэтничных регионах России (Татарстан, Дагестан, Башкортостан) для выявления воспроизводимых управленческих решений. Перспективным направлением является также исследование возможностей применения технологий искусственного интеллекта для мониторинга этнически маркированных дискурсов и раннего выявления сигналов напряжённости.

Список литературы:

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года (утв. Указом Президента РФ от 25.11.2025 № 858) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – № 0001202511250024.
2. Тагавердиева Д. С., Рабаданова З. Р., Рамазанова А. Р. Factors influencing the level of poverty in various regions of the Russian Federation // Дагестанский государственный университет народного хозяйства. – С. 1-10.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
4. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.
5. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.
7. Закон Ставропольского края от 06.08.2014 № 68-кз (ред. от 07.12.2021) «О реализации государственной национальной политики на территории Ставропольского края» // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. – 2014. – № 38.
8. Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (утв. постановлением Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532) // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 2 (Часть I). – Ст. 376.
9. Милевская Ф. А. Социальная архитектура в структуре современных политических технологий Российской Федерации (по материалам массмедиа) // Секция 3. Молодая наука. – С. 126.
10. Володенков С. В. Выступление на пленарном заседании XVI Международной Грушинской социологической конференции «Образы будущего» (цит. по: Социологи призваны строить будущее: Грушинская конференция об образе будущего России // Коммерсантъ. – 27.03.2026. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8535923> (дата обращения: 10.06.2026)).

11. Глава КБР Казбек Коков: В Нальчике прошла первая в России региональная стратегическая сессия по социальной архитектуре // RuNews24.ru. – 13.02.2026. – URL: <https://runews24.ru/nalchik/13/02/2026/glava-kbr-kazbek-kokov-v-nalchike-proshla-pervaya-v-rossii-regionalnaya-strategicheskaya-sessiya-po-soczialnoj-arxitekture> (дата обращения: 10.06.2026).
12. Харичев А. Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего // Блокнот гражданского просвещения. – 2025. – № 12 (август-сентябрь). – URL: <https://strategy24.ru/rf/news/sotsialnaya-arkhitektura-ot-zaprosov-v-nastoyashchem-k-gorizontam-budushchego> (дата обращения: 10.06.2026).
13. Кривоусков В. В. Межгрупповое доверие в российском обществе: способы реинституционализации // Социология и психология. – С. 183-186.
14. Кривоусков В. В. Консолидация российского общества: институциональные риски и угрозы // ЮРФИС РАН. – С. 1-6.
15. Allport G. W. The Nature of Prejudice. – Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. – 537 p.
16. Putnam R. D. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century // Scandinavian Political Studies. – 2007. – Vol. 30, No. 2. – P. 137-174.
17. Varshney A. Ethnic Conflict and Civic Life: Hindus and Muslims in India. – New Haven: Yale University Press, 2002. – 382 p.
18. Чернова А. М. Социальная архитектура на примере проекта социально-культурного развития поселка Знаменский г. Краснодара // Кубанский государственный университет. — С. 564-572.
19. Бегиев И. А. Совершенствование оценки стратегии государственного управления в сфере межнациональных отношений (на примере СКФО) // Флагман науки: научный журнал. – Ноябрь 2025. – СПб.: Изд. ГНИИ «Нацразвитие». – № 11(34). – DOI: 10.37539/2949-1991.2025.34.11.001.
20. Социальная архитектура: от локальных решений к системной практике // RuNews24.ru. – 16.02.2026. – URL: <https://runews24.ru/politics/16/02/2026/soczialnaya-arkhitektura-ot-lokalnyix-reshenij-k-sistemnoj-praktike> (дата обращения: 10.06.2026).
21. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Концепции социального проектирования будущего: от истории к современности // Диалог со временем. – 2026. – Вып. 94. – С. 22-35.
22. Плотникова М. В., Гагарин А. С. Понятие «социальный архитектор» в социально-политической коммуникации (по данным контент-анализа экспертных комментариев) // Политическая лингвистика. – 2025. – № 3(111). – С. 258-263.
23. Борисенков А. А., Макаров А. В., Лайков М. А. Социальная архитектура как новое направление деятельности внутриполитического блока // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15, вып. 3(115). – С. 823-832. – DOI: 10.35775/PSI.2025.115.3.006.
24. Зубков В. В., Таранец Р. Ю. Практики социальной архитектуры в региональном измерении: опыт поддержки и реализации гражданских инициатив в Хабаровском крае (социологический подход) // Власть и управление на Востоке России. – 2026. – № 1(114). – С. 93-104.
25. Магомедов М. М. Единство народов России — ценность, которую нужно беречь // Блокнот гражданского просвещения. – 2026. – № 1(15).
26. Бойков Н. Р., Воротников А. М. Социальная архитектура в российских реалиях. Возможности государственно-частного партнёрства в реализации проектов социальной архитектуры. – 2026.

